

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

**ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 5
volume 5**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

Памяти Эльвиры Степановны Стуловой

Который день собираюсь начать писать свои заметки памяти Эли Стуловой и не могу этого сделать. Не могу написать на бумаге словами, что Эли больше нет с нами. Возмущенный дикой нелепостью произошедшего, разум отказывается признать этот факт реальностью. Совершенно непонятно, как Жизнь могла отдать ее смерти. Очевидно, в защитных и магических целях люди придумали другие слова, заменяющие то, которое я только что перед этим предложением написал. Такие слова есть и в русском, и в греческом, и в китайском языках — языках, на которых говорила Эля. Совершенно ясно, однако, что теперь, неупотребление слов ничего изменить, увы, уже не может. Надо бы смириться с этим жестоким фактом, но мысли все время уводят в прошлое, напоминают события прожитых лет...

Впервые Элю я увидел и познакомился с нею в студенческом общежитии, которое располагалось во дворе филологического и восточного факультетов сразу слева от выхода во двор этого здания. Это теперь территория филфака. Общежитие было старым, неудобным, но с массой достоинств: во-первых, это находилось совершенно рядом с аудиториями, в которых мы занимались, это давало нам возможность поспать утром много больше того, что удавалось, когда мы жили на Охте, Стахановцев, 17; во-вторых, оно было немногочисленным, и по вечерам мы почти все собирались в проходном зале, где можно уютно расположиться на диване и в креслах, посидеть, поболтать; там же стояло фортепиано, на котором кто-нибудь обязательно наигрывал, постоянно организовывали танцы. И вокруг много прекрасных мест — Менделеевская линия, Университетская набережная, где мы гуляли...

Особенно нас сблизил поездка в Китай. Еще в 1955 г. пришло распоряжение подготовить для поездки за рубеж первые группы советских студентов и аспирантов. Отобрали и большую группу китаистов. Мы вместе проходили длительное оформление, переживали томительное ожидание. И уже даже не верилось, что поездка состоится. Вдруг в конце января 1957 г. пришло из Москвы распоряжение командировать из ЛГУ "для дальнейшего следования в КНР" шестерых: аспиранта-экономиста Е. А. Виноградова, студентов-филологов Элю Стулову, Олю Тагееву и Акима Торопова, историков Бориса Мельниченко и меня. Короткое пребывание в Москве: инструктажи, обмундирование в подвалах ЦУМа за счет государства в пределах установленной суммы... Мы, ленинградцы, держались дружной командой и в столице, и в поезде Москва—Пекин. Нас было четверо парней, и у нас образовалось свое купе, Эля и Оля большую часть времени проводили у нас. Нашим энергичным старшим был Женя Виноградов, который воспитывал нас, более молодых, призывая организовывать быт нашего купе таким образом, чтобы прежде всего было удобно нашим гостям. Мы старались всюду. Ехали необыкновенно весело. Акима Торопова по всей Сибири на вокзалах встречали родственники (он их заранее известил телеграммами), они приносили обильные угощения, да и у нас были солидные запасы, что позволяло нам зачастую не ходить в вагон-ресторан, тем более, что морозы в том году держались сильные. Оказалось, совершенно незаметно и естественно наш быт организовывала Эля, толково

А. М. Решетов. Памяти Эльвиры Степановны Стуловой

распределяя между нами несложные обязанности. И с тех пор так и повелось, что мы одна компания, и многое в наших действиях направлялось Элей. Ее манера "руководить" нами была незаметной, без нажима, в меру просительно-повелительный тон (особый дар Эли!), все исполнялось быстро и без лишних слов.

Наша жизнь в Пекинском университете протекала тогда довольно обособленно. С китайцами мы общались в аудиториях; в общежитие к нам мог приходиться по существу только один человек — специально выделенный канцелярией по работе с иностранными студентами консультант (*фудаоюань*), все остальное время мы жили изолированно своей колонией, составлявшей часть общеуниверситетского коллектива иностранных студентов. Первое время мы, ленинградцы, естественно, общались между собой. Я уже упоминал, что перед отъездом нас централизованно одели. Выбор одежды был довольно скудным. Когда мы вышли на платформу Пекинского вокзала все одновременно, мы являли собой картину птенцов из одного гнезда: все девушки и все парни соответственно были одеты почти одинаково. Эля, обладавшая безукоризненным вкусом, взбунтовалась одна из первых. Она стала нашим художественным консультантом: каждый из нас умолял ее съездить с нами в город, помочь подобрать новые вещи, которые бы подходили ему и главное — чтобы они были у всех разные. Эля терпеливо выполняла эту миссию. Стайкой мы вместе ходили в кино в гостиницу "Дружба" ("Юи бингуань"), где жили советские и другие иностранные специалисты. Там в отличие от университетской простоты мы могли провести вечер в известном комфорте. Нередко оттуда веселые и довольные мы возвращались пешком все той же компанией: автобусы прекращали ходить довольно рано.

Летом нас, советских студентов и аспирантов, отправили на отдых в Циндао. Домой нам не разрешили ехать, поскольку мы только недавно приехали в Китай. Жили мы в общежитии Шаньдунского университета, с удовольствием знакомились с городом — нас поражал его немецкий облик, наслаждались дневными и ночными купаниями, походами в кино (там мы смотрели длинные фильмы по романам Ба Цзиня), в театры, поездкой к небольшим озерам и водопадам в горы Лаошань, встречались с китайцами... Организованных встреч всегда было много, нам необходимо было выступать — все мы пели в хоре, никто никогда не отказывался. Эля очень легко находила общий язык с китайцами, думаю, потому что ей всегда было интересно все, что касалось Китая, китайского быта, китайского языка. К нам в Китае интерес был громадный потому еще, что мы знали китайский язык, с нами можно было общаться, а у китайцев к нам всегда было много вопросов. Однажды мы провели встречу нашего коллектива со студентами Центрального Института национальностей в Пекине. К нам в Университет приехали тибетцы, уйгуры, монголы, мяо, и, чжуан, ли, казахи, маньчжуры... В наших комнатах были приготовлены сладости, чай, мы угощали наших гостей, беседовали, дарили им значки, открытки. Потом у большинства связи вскоре прекратились. У Эли это знакомство продолжалось довольно долго. А мы все были заинтересованы в максимально большем общении с китайцами, ибо таким образом укреплялось знание разговорного языка, расширялось и углублялось познание страны и ее народов. Мы, ленинградцы, пользовались еще связями Акима Торопова, побывавшего в Пекине чуть раньше — он работал здесь на советской выставке. Такая редкость — с его помощью нас однажды пригласили даже домой. В Китае тогда было голодно, мы купили мясо, рис и другие продукты, хозяйка при нас готовила, а мы внимали, мы познавали обычаи народа... Редкая тогда возможность...

In Memoriam

Мы объездили и облазили все окрестности: часто бывали в загородном парке Ихэюань, в горах Сяншань, проходили в Иньтаогоу — Ущелье вишневого сада, на развалины дворца Юаньминьюань, храм Биюньсы, совершали экскурсии на могилы минских императоров и улицу Люличан... Эля вместе со всеми стоически поднималась на гору Эмэйшань в Сычуани, работала на строительстве плотины Шисаньлинского водохранилища...

У Эли был обостренный интерес к китайской книге. Хотя наши доходы были в те годы весьма скромные, она сумела собрать для себя прекрасную библиотеку, которая потом помогала ей работать.

Почти никогда мы не пропускали экскурсий в художественные мастерские кустарных промыслов, походов в музеи и театры... И, конечно, вспоминаются китайские рестораны: нас очаровывало разнообразие местных кухонь, мы любили пробовать сычуаньскую, и гуандунскую, и шаньдунскую еду и многое другое. Это тоже было частью познания Китая, его традиций. Разве можно сказать, что ты знаешь Китай, если ты никогда не бывал в ресторане пекинской утки...

У нас с Элей было много общих друзей из числа иностранцев: румынка Аурелия Тамбор, венгры Ева и Петер Полоньи, чехи Марта Ришава и Мирослав Штрогал, французы Жак Пимпано и Мишель Картье, немка Ирмтрауд Хеньес... Это были очень интересные люди, общение с которыми неизменно доставляло большую радость и удовольствие... Только теперь мы мало знаем друг о друге, да и то больше понаслышке. Счастливая Аурелия, милая Аурика: приехав в этом году в наш город всего на три дня из Иерусалима, где она теперь живет и работает, она повстречалась через тридцать три года с Элей и, как оказалось, попрощалась с нею, теперь уже навсегда...

Тонкое понимание характера, особенностей личности каждого, невозмутимый характер (но характер был!), исключительная порядочность, внимание к человеку, ненавязчивая общительность делали ее отношения со всеми ровными, доброжелательными, как мы теперь говорим, нормальными. Эля всегда, сколько я ее помню с ранних студенческих лет, привлекала к себе людей. Ее графически четкая красота, необыкновенный цвет лица, ее острый ум, бесконечная доброжелательность без заискивания, ее скромность, самоубытность, оригинальность (Боже избавь, — не оригинальничество!) неизменно обращали на себя внимание. Иногда, может быть, не сразу, но обязательно обращали.

В 1960 г. Эля закончила факультет китайского языка и литературы Пекинского университета и вернулась в Ленинград, где летом 1961 г. также успешно получила диплом ЛГУ, по кафедре китайской филологии. Один год ей пришлось поработать в китайском интернате, но потом повезло, и в 1962 г. она пришла в ЛО ИВ АН. Там была сформирована группа под руководством Б. Б. Вахтина по описанию ксилографов. Казалось бы скучная работа, но вместе с тем требующая исключительной скрупулезности, больших разнообразных знаний. Здесь проявились такие ее качества как обязательность, увлеченность и преданность делу.

В Ленинграде наша пекинская компания сузилась: она включала Элю, Акима Торопова, Володю Гусарова. Еще длительное время после Пекина мы еще жили воспоминаниями о Китае. Иногда мы встречались у Акима и Риты Тороповых, пока был жив Аким (его не стало в 1969 г), а потом у Эли появилась своя квартира на Торжковской, где встречались ленинградские и московские китаисты. Вспоминаю там Элину маму Марию Панайотовну, темпераментную гречанку (говорят, Эля наследовала спокойный характер русского отца). Мать в Батуми организовала греческий театр. В Ленинград ее привело

страстное желание увидеть игру великой греческой актрисы Аспазии Папанасиу. В те дни у Эли в доме организовывались греческие застолья...

Мы часто виделись, она бывала у меня дома с Олегом Акимушкиным, ставшим ее мужем. Прекрасная пара! Как они дополняли друг друга...

Помню рассказы Эли, сколько радости ей принесла ее поездка с сестрой Линой в Грецию, где они побывали в 1988 г. по приглашению дяди, известного писателя и историка.

И вдруг судьба неожиданно свела нас опять в Пекине. В сентябре 1989 г. меня пригласили на очередную конференцию Китайского этнографического общества. Жил я в гостинице поблизости от Пекинского университета, куда незадолго до этого присхала на стажировку Эля. Мы встречались каждый день, вспоминали прожитые здесь годы и своих прежних друзей. Старый друг Кэ Гао (все, кто обучался в Пекинском университете, хорошо знают этого приятного добродушного человека) пригласил нас в гости, мы провели у него целый день, и опять это был день воспоминаний. Благодаря Эле я побывал в экскурсии на могилах Цинских императоров: она пригласила меня быть ее спутником. Во время моего пребывания в Пекине было организовано Общество "Друзья Китая". Собрание проходило в одном из залов Всекитайского Собрания народных представителей. Там мы познакомились с переводчицей советской литературы на китайский язык Ша Ши, приехавшей по этому случаю из Тяньцзиня. Потом Эля, как уже в Ленинграде она рассказывала мне, побывала у нее в гостях. Сколько Эля успела осмотреть новых мест в Пекине, куда я не смог попасть из-за краткости моего пребывания в стране! Она очень интересно, например, рассказывала о своем посещении чайного домика Лао Шэ.

Когда Эля и Олег вернулись из Китая весной 1990 г. (он ездил к ней в гости), мы вновь часто встречались, а потом чаще стали перезваниваться. Она увлеченно работала над изучением баоцзюаней, иногда ей нужны были различные справки об обычаях, особенно религиозного характера в Китае. Мы договаривались, что она примет участие у нас в Институте в Клонеровских чтениях, напишет для этнографического журнала статью — у нее собрался для этого добротный материал... Господи, ведь Эля (как при ее жизни мы все забывали это!) была одной из немногочисленных в мировой синологии, выдающейся специалисткой по "драгоценным свиткам". По своей врожденной скромности она никогда никому не напоминала об этом...

Когда я сейчас перечитал этот монолог воспоминаний, я обратил внимание, что мною часто употребляется местоимение "мы". Да, при некоторой заметной замкнутости и немногословии Эля была удивительно компанейским человеком. Ее немногословие было потрясающим. Однажды у меня на дне рождения она произнесла тост: "За родителей!" Общество громко и решительно запротестовало, требуя развить мысль и сказать побольше: все-таки тост! Тогда Эля, улыбнувшись своей неповторимой по камерности улыбкой, сказала: "За папу и за маму!.."

Нет, не буду взбираться на новый виток воспоминаний. Охватывает сожаление и отчаяние, что в последние годы мало встречались — надо бы чаще. Наши звонки по телефону обычно заканчивались таким резюме: "В ближайшее время созвонимся с Ритой Тороповой и Володей Гусаровым и соберемся..." Теперь уже не соберемся. Она покинула нас. В последние годы страшная болезнь заставляла ее много страдать. И хочется верить, что теперь ее душа поднялась на небо к небожителям.